

Гипотеза любви

Автор:

[Али Хейзелвуд](#)

Гипотеза любви

Али Хейзелвуд

Red Violet. ПритяжениеМИФ Проза

Пытаясь убедить друзей, что с личной жизнью у нее все в порядке, Оливия целует первого попавшегося мужчину. Кто же знал, что это окажется доктор Карлсен – надменный, заносчивый тип, гроза всего факультета?

Слухи об их романе распространяются мгновенно, и пара договаривается поддерживать видимость отношений... а доктор Карлсен оказывается вовсе не таким уж неприятным. Оливия пока не понимает, чем обернется эта неожиданная новая дружба, но знает наверняка: как и всегда в ее жизни, все точно пойдет не по плану.

Этот легкий и остроумный роман наверняка понравится любителям романтических комедий. Обаятельные герои заставят посмеяться, а кто-то, возможно, даже немного влюбится в смелую героиню и загадочного героя. Удовольствие от чтения гарантировано.

Фишки книги

Абсолютный международный бестселлер.

В США первый тираж был раскуплен за 2 дня, продано более миллиона печатных копий

Выбор редакции Амазон в категории «Лучший роман»

Более 540 тысяч оценок и 70 тысяч отзывов на Goodreads

Права на книгу проданы в 25 стран

Бестселлер Amazon и New York Times

Для кого эта книга

Для читателей, которые любят романтические комедии.

Для тех, кто восхищается умными, красивыми и решительными героинями.

Для читателей, которые хотят прочувствовать химию между героями, которая происходит на страницах книги

На русском языке публикуется впервые.

Али Хейзелвуд

Гипотеза любви

Original title:

The Love Hypothesis

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2021 by Ali Hazelwood

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Моим женщинам в науке: Кейт, Кейти, Хатун и Мар

Per aspera ad aspera

Гипотеза (сущ.)

Предположение или предполагаемое объяснение, сделанное на основе ограниченных данных в качестве отправной точки для дальнейшего исследования.

Пример: «Основываясь на имеющейся информации и собранных до сих пор сведениях, я выдвигаю следующую гипотезу: чем дальше я буду держаться от любви, тем мне будет лучше».

Пролог

Если откровенно, Оливия не могла толком ничего решить по поводу аспирантуры.

Не потому, что ей не нравилась наука. Еще как нравилась. Наука была ее призванием. И не из-за множества очевидных факторов риска. Оливия прекрасно понимала, что долгие годы непрестижной, низкооплачиваемой работы по восемьдесят часов в неделю могут скверно сказаться на ее психическом здоровье. Что ночи, проведенные перед горелкой Бунзена в попытке добыть ничтожный кусочек знаний, возможно, не станут ключом к счастью. Что посвятить свой разум и тело научным изысканиям, лишь изредка прерываясь на то, чтобы стащить оставленный без внимания рогалик, – возможно, не самый мудрый выбор.

Оливия это прекрасно понимала, однако все эти обстоятельства ее не волновали. Или, может, чуть-чуть волновали, но она могла с ними справиться. И все же что-то мешало ей спуститься в самый жуткий и изматывающий круг ада: взяться за диссертацию. Вернее, мешало до тех пор, пока она не пошла на собеседование на биологический факультет Стэнфорда и не встретила Того Парня.

Парня, чье имя она так и не узнала.

Парня, с которым она познакомилась, когда наугад забрела в первую попавшуюся уборную.

Парня, который спросил:

– Просто любопытно: вы плачете в моем туалете по какой-то особой причине?

Оливия взвизгнула. Потом попыталась открыть глаза, но ей это почти не удалось. Ее взгляд был затуманен. Она видела лишь размытый контур: кто-то высокий, темноволосый, одетый в черное и... да. Это все.

– Я... это женский туалет? – спросила она, запинаясь.

Пауза. Молчание. Затем:

- Не-а. - Голос у него был глубокий. Такой глубокий. По-настоящему глубокий. Чарующе глубокий.

- Вы уверены?

- Да.

- Точно?

- Абсолютно, поскольку это туалет моей лаборатории.

Что ж. Он загнал ее в угол.

- Мне так жаль. Вам нужно... - Она указала в сторону кабинок или туда, где, по ее мнению, находились кабинки.

Глаза щипало, даже когда они были закрыты, и Оливии пришлось зажмуриться, чтобы притупить жжение. Она попыталась вытереть щеки рукавом, но ткань ее платья, дешевая и хлипкая, почти не впитывала влагу - хлопок справился бы куда лучше. Ах, эти радости нищеты.

- Мне просто нужно слить реагент, - ответил Парень, но, кажется, не двинулся с места.

Может быть, потому, что она загоразивала раковину. Или потому, что Оливия показалась ему чокнутой и он подумывал натравить на нее охрану кампуса. И тогда ее мечтам об аспирантуре наступит быстрый и жестокий конец.

- Это помещение не используется как туалет. Тут только утилизируют отходы и моют оборудование.

- О, простите. Я думала... - Мало. Мало она думала, как и обычно. Это было ее проклятием.

- Вам нужна помощь?

Судя по всему, ее собеседник был огромного роста: его голос словно доносился с трехметровой высоты.

- Нет, все в порядке. А что?

- Вы плачете. В моем туалете.

- О, я не плачу. Ну, в некотором роде да, но это просто слезы, понимаете?

- Не понимаю.

Оливия вздохнула и прислонилась к кафельной стене.

- Это из-за контактных линз. Они давно просрочены, да и особо хорошими никогда не были. Они раздражали глаза. Я сняла их, но... - Она пожала плечами. Надеюсь, что жест был обращен в нужную сторону. - Они приходят в норму не сразу.

- Вы надели просроченные линзы? - Его голос звучал так, будто она нанесла ему личную обиду.

- Совсем немного просроченные.

- Что значит «немного»?

- Не знаю. На пару лет?

- Что?! - Согласные звучали резко и четко. Хрустяще. Приятно.

- Всего пару, я думаю.

- Всего пару лет?

- Все в порядке. Сроки годности - для слабаков.

Резкий звук, что-то вроде фырканья.

- Сроки годности нужны для того, чтоб я не находил вас рыдающей в углу своего туалета.

Если этого чувака звали не мистер Стэнфорд, ему стоило прекратить уже называть это место «своим туалетом».

- Все в порядке. - Она махнула рукой. И закатила бы глаза, если бы они не горели. - Жжение обычно длится всего несколько минут.

- Хотите сказать, что вы и раньше так делали?

Оливия нахмурилась.

- Как «так»?

- Надевали просроченные линзы.

- Конечно. Они стоят недешево.

- Глаза тоже стоят недешево.

Хм. Резонно.

- Послушайте, мы не встречались? - спросила Оливия. - Может, прошлым вечером, на ужине для потенциальных аспирантов?

- Нет.

- Вас там не было?

- Это не мое.

- А как же бесплатная еда?

- Не стоит светских разговоров.

Может, он сидел на диете – ну какой аспирант иначе скажет подобное? А Оливия была уверена, что этот парень – аспирант. Надменный снисходительный тон выдавал его с головой. Все аспиранты были такими. Они считали себя лучше окружающих лишь потому, что их наделили сомнительным преимуществом: убивать во имя науки плодовых мушек и получать за это девяносто центов в час. В мрачном, темном аду научного мира аспиранты занимали низшую ступень иерархии, и потому им приходилось убеждать себя, будто они – лучшие. Оливия не была клиническим психологом, но, по ее мнению, такое поведение выглядело как хрестоматийная защитная реакция.

– Вы проходите собеседование в аспирантуру? – спросил Парень.

– Ага. На поток следующего года по биологии. – Боже, как же жгло глаза. – А вы? – спросила она, прижав к векам ладони.

– Я?

– Как давно вы тут?

– Тут? – Пауза. – Шесть лет. Плюс-минус.

– О. Значит, скоро защита?

– Я...

Она уловила неуверенность в его голосе и тут же почувствовала себя виноватой.

– Погодите, вы не обязаны отвечать. Первое правило аспиранта: не спрашивай у других аспирантов о дедлайнах по диссертации.

Прошла секунда. Еще одна.

– Верно.

– Прошу прощения. – Как жаль, что она его не видела. Общаться и так сложно, а тут еще приходилось вести беседу без визуальных подсказок. – Не хотела

уподобляться вашим родителям на День благодарения.

Он тихо рассмеялся.

- У вас бы и не получилось.

- О. - Она улыбнулась. - Назойливые родители?

- А дни благодарения - еще хуже.

- Вот чего вы, американцы, добились, оставив Содружество наций. - Она протянула руку, надеясь, что сделала это в нужном направлении. - Кстати, я Оливия.

Она уже начала гадать, не представилась ли водопроводной трубе, и тут услышала, как Парень подходит ближе. Рука, обхватившая ее ладонь, была сухой, теплой и такой большой, что в ней поместился бы весь ее кулак. Должно быть, все в нем внушительно - рост, пальцы, голос.

Это было даже приятно.

- Вы не американка? - спросил он.

- Канадка. Слушайте, если вам случится поговорить с кем-нибудь из приемной комиссии, не могли бы вы не упоминать о моем инциденте с линзами? А то я покажусь им не таким уж блестящим соискателем.

- Вы так думаете? - спросил он со скрытой насмешкой.

Оливия пронзила бы его взглядом, если бы могла. Хотя, вероятно, она и так неплохо справилась, потому что он рассмеялся - точнее, чуть усмехнулся, но она расслышала. И это ей даже понравилось.

Парень отпустил ее руку, и она поняла, что все это время сжимала его ладонь. Упс.

- Планируете поступать? - спросил он.

Оливия пожала плечами.

- Не факт, что меня возьмут.

Но она действительно поладила с преподавательницей, которая проводила собеседование, доктором Аслан. Оливия запиналась и мямлила гораздо меньше обычного. Кроме того, ее средний балл и оценки на вступительных экзаменах были почти идеальны. Иногда отсутствие личной жизни играло на руку.

- Планируете ли вы поступать, если пройдете отбор?

Отказываться было бы глупо. В конце концов, это же Стэнфорд - одна из лучших аспирантур по биологии. Или, по крайней мере, так твердила себе Оливия в попытках скрыть ужасающую правду.

Ведь на самом деле она так и не решила, хочется ли ей в аспирантуру.

- Я... может быть. Честно говоря, трудно разобрать, что в этой ситуации блестящий карьерный выбор, а что - трагическая ошибка.

- Похоже, вы склоняетесь к ошибке. - Кажется, он улыбнулся.

- Нет. Ну... Я просто...

- Вы просто?..

Она закусила губу.

- Что, если я не потяну? - выпалила она.

Почему, о боже, почему она открыла самые глубинные тайные страхи своего маленького сердца этому случайному парню в туалете? Да и какой вообще в этом был смысл? Всякий раз, когда она высказывала свои сомнения друзьям и знакомым, те автоматически начинали подбадривать ее одинаковыми

банальными и бессмысленными фразами: «Все будет хорошо. Ты сможешь. Мы в тебя верим». Этот парень наверняка сделает то же самое.

Вот сейчас он скажет...

Вот-вот. С секунды на секунду...

– Зачем вам это нужно?

Э-э-э-э...

– Нужно... что?

– Получить степень. Какова причина?

Оливия откашлялась.

– У меня всегда был пылкий ум, аспирантура для него – идеальная среда. Она даст мне важные навыки широкого применения...

Парень фыркнул.

– Что? – спросила она, нахмурившись.

– Не надо пересказывать методичку по подготовке к поступлению. Зачем вам докторская степень?

– Это правда, – неуверенно возразила она. – Я хочу отточить свои исследовательские способности...

– Потому что не знаете, чем еще заняться?

– Нет.

– Потому что не получилось устроиться в фирму?

– Нет... Я даже не пыталась.

– Хм.

Он шагнул вперед. Большая размытая фигура встала возле нее, чтобы вылить что-то в раковину. Оливия почувствовала запах эвгенола, стирального порошка и чистой мужской кожи. Неожиданно приятное сочетание.

– Мне нужно больше свободы, чем в корпоративном мире.

– У вас не будет особой свободы в академии. – Его голос звучал ближе, как будто он еще не отошел. – Придется финансировать свою работу за счет исследовательских грантов, за которые идет нелепая борьба. На любой офисной работе вам будут платить больше, к тому же тогда слово «выходные» не будет для вас пустым звуком.

Оливия нахмурилась.

– Вы уговариваете меня отказаться? Это что, какая-то кампания против тех, у кого линзы с истекшим сроком годности?

– Не-а. – Она услышала, что ее собеседник улыбается. – Позволю себе предположить, что это была просто ошибка.

– Я ношу их постоянно, и они почти никогда...

– В длинной череде ошибок, очевидно. – Он вздохнул. – Вот что я вам скажу. Я понятия не имею, потянете вы или нет, но не это должно вас волновать. Академия – это куча вложений с мизерным выхлопом. И важно, достаточно ли веские у вас причины для того, чтобы стремиться в академические круги. Итак, почему же аспирантура, Оливия?

Она задумалась, и еще подумала, а потом – еще. И осторожно начала:

– У меня есть вопрос. Конкретный вопрос для исследования. Я кое-что хочу выяснить. – Вот. Готово. Это и был ответ. – Что-то, что, я боюсь, никто не откроет, кроме меня.

– Вопрос?

Оливия почувствовала движение воздуха и поняла, что теперь Парень стоит, прислонившись к раковине.

– Да. – Во рту у нее пересохло. – Кое-что важное для меня. И... я не доверю это никому больше. Потому что никто до сих пор этим не занимался. Потому что... – Потому что случилось нечто ужасное. Потому что я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы такого больше не происходило.

Тяжело было думать об этом в присутствии незнакомца, в темноте под закрытыми веками. Поэтому она открыла глаза: все оставалось слегка размытым, но жжение почти прошло. Парень смотрел на нее. Может, немного нечеткий по краям, но такой близкий, он терпеливо ждал, пока она продолжит.

– Это важно для меня, – повторила она. – Исследование, которое я хочу провести.

Оливии было двадцать три, и она была одна в целом мире. Она не хотела выходных или достойной зарплаты. Она хотела повернуть время вспять. Она не хотела быть такой одинокой. Но поскольку это было невозможно, она решила, что хочет исправить то, что можно исправить.

Он кивнул, но ничего не сказал, потом выпрямился и сделал несколько шагов по направлению к двери. Очевидно, он собирался уйти.

– Это достаточно веская причина, чтобы пойти в аспирантуру? – крикнула она ему вслед, ненавидя себя за то, что так страстно жаждет одобрения. Вполне возможно, что у нее был какой-то экзистенциальный кризис.

Парень помедлил и оглянулся.

– Это лучшая причина. – Она решила, что он улыбается. Или что-то вроде того. – Удачи на собеседовании, Оливия.

– Спасибо.

Он уже почти вышел.

– Может, увидимся в следующем году, – пробормотала она, слегка покраснев. – Если я пройду. Если вы еще не выпуститесь.

– Может быть, – услышала она в ответ.

С этими словами Парень ушел. А Оливия так и не узнала его имени. Но через несколько недель, когда биологический факультет Стэнфорда предложил ей место, она приняла предложение. Не колеблясь.

Глава 1

Гипотеза: когда мне предоставляется выбор между А (несколько неудобной ситуацией) и В (полный бардак с разрушительными последствиями), я в конечном счете непременно выберу В.

Два года и одиннадцать месяцев спустя

В защиту Оливии следует заметить, что мужчина, кажется, не слишком возражал против поцелуя. Ему, правда, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя – учитывая внезапность, его можно было понять. Это была неловкая, неудобная, несколько болезненная минута, в течение которой Оливия прижималась губами к его губам. Чтобы ее рот оказался на уровне его лица, ей приходилось изо всех сил тянуться вверх, стоя на носочках. Ну вот почему он такой высокий? Поцелуй, должно быть, выглядел так, будто она неуклюже

пыталась его боднуть, и она начала беспокоиться, что ее план не сработает. Ее подруга Ань, которую Оливия увидела несколько минут назад, с первого взгляда поймет, что у них с Поцелованным Чуваком никакого не свидание.

А потом это мучительно медленное мгновение прошло, и поцелуй стал... другим. Мужчина резко вдохнул и чуть склонил голову, отчего Оливия перестала чувствовать себя помесью белки и обезьяны, которая лезет на пальму, а его руки – большие и приятно теплые в холодном кондиционированном коридоре – сомкнулись на ее талии. Они скользнули вверх на несколько сантиметров, обхватили грудную клетку Оливии и прижали ее к себе. Не слишком тесно, но крепко.

Как надо.

Это был скорее долгий, чем глубокий поцелуй, но было довольно приятно, и за несколько секунд Оливия успела о многом забыть, включая тот факт, что она прижимается к случайному незнакомцу. И что у нее едва хватило времени прошептать: «Можно я вас поцелую?» – прежде чем прижаться губами к его губам. И все это представление она устроила в надежде обмануть Ань – ее лучшую в мире подругу.

Но хороший поцелуй творит чудеса: девушка может на какое-то время забыть обо всем на свете. Оливия поняла, что растекается по широкой, крепкой груди, на которую так приятно было опереться. Она провела руками по твердой линии подбородка и запустила пальцы в удивительно густые и мягкие волосы, а потом... потом она услышала собственный вздох, как будто ей уже не хватало воздуха, и вот тогда ее словно кирпичом по голове ударило... Нет. Нет.

Нетушки, нет.

Нельзя получать от этого удовольствие. Какой-то незнакомый чувак, вот это все. Оливия сделала резкий вдох, отстранилась и начала отчаянно искать взглядом Ань. Одиннадцать часов вечера, голубоватый свет в коридоре биологических лабораторий, и ее подруги нигде не видно. Странно. Оливия была уверена, что видела ее за несколько секунд до этого.

Поцелованный Чувак, приоткрыв губы, стоял прямо перед ней, грудь его вздымалась, в глазах мерцал странный свет, и в тот момент она поняла

чудовищность того, что только что сделала. Кого она только что...

Гребаный трындец.

Просто жуть.

Потому что доктор Адам Карлсен был известным мудаком.

Само по себе это мало кого могло удивить, поскольку в академических кругах от любого, кто стоял выше уровня аспиранта – выше Оливии, к сожалению, – требовалась определенная степень сволочизма, чтобы удержаться на своем месте хоть какое-то время, а штатные преподаватели составляли верхушку этой сволочной пирамиды. Доктор Карлсен, однако, превосходил их всех. По крайней мере, по слухам.

Именно из-за него Малькольму, соседу Оливии, пришлось полностью отказаться от двух исследовательских проектов и, скорее всего, отложить защиту на год. Именно из-за него Джереми блевал от волнения перед квалификационным экзаменом. Доктор Карлсен был единственной причиной, по которой половине студентов биофака пришлось отложить защиту дипломов. Джо, одноклассник Оливии, еженедельно водивший ее смотреть европейские фильмы плохого качества с микроскопическими субтитрами, был аспирантом-исследователем в лаборатории Карлсена, но спустя полгода бросил аспирантуру «по личным обстоятельствам». Видимо, это было правильным решением, поскольку у большинства оставшихся аспирантов Карлсена вечно дрожали руки, а выглядели они так, будто уже год не спали.

Доктор Карлсен, может, и был рок-звездой академического мира и вундеркиндом в биологии, но еще он вечно ходил злой и всем недовольный и, судя по его интонациям и поведению, считал, что, кроме него, никто на биофаке Стэнфорда не занимается настоящей наукой. А может быть, и во всем мире. Все знали, что он невыносимый мудила, и все его боялись.

А Оливия только что его поцеловала.

Она не знала, сколько длилось молчание... Она была уверена только в том, что нарушил его Карлсен. Он стоял перед Оливией, до смешного устрашающий, с темными глазами и еще более темными волосами, глядя вниз с почти

двухметровой высоты – он был выше ее сантиметров на двадцать. Карлсен хмурился – с таким выражением Оливия видела его на кафедральных семинарах. Оно обычно появлялось перед тем, как он поднимал руку, чтобы указать на какой-то роковой недостаток в работе докладчика. Оливия слышала однажды, как ее научрук назвал его «Адам Карлсен, разрушитель научных карьер».

Все в порядке. Все хорошо. Все в полном порядке. Она просто притворится, будто ничего не случилось, вежливо кивнет ему и потихонечку уберется отсюда. Да, надежный план.

– Вы... Вы что, поцеловали меня? – Он, кажется, удивился и, возможно, даже немного задышался. Губы у него были полные, припухшие, и... Боже. Целованные. Оливия никак не смогла бы отрицать то, что только что сделала.

Но все же стоило попробовать.

– Нет.

К ее удивлению это, кажется, сработало.

– А. Тогда ладно. – Карлсен кивнул и повернулся, кажется, слегка растерявшись. Сделал пару шагов по коридору и добрался до фонтанчика с водой, к которому, вероятно, и направлялся изначально.

Оливия уже почти поверила, что ей это сойдет с рук, но тут он остановился и обернулся с недоверчивым видом:

– Вы уверены?

Вот блин.

– Я... – Она закрыла лицо руками. – Все не так, как кажется.

– Ладно. Я... Ладно, – медленно повторил он. Голос у него был глубокий и низкий и звучал так, будто он вот-вот взбесится. Как будто он уже взбесился. – Что вообще происходит?

Она просто не могла ему этого объяснить. Любой нормальный человек счел бы положение Оливии странным, но Адам Карлсен, который, очевидно, считал эмпатию багом, а не нормальным человеческим качеством, никогда не смог бы этого понять. Она уронила руки и сделала глубокий вдох.

– Я... послушайте, не хочу грубить, но это вообще не ваше дело.

Он смотрел на нее минуту, затем кивнул.

– Да. Конечно. – Должно быть, он уже пришел в себя, поскольку тон из удивленного снова стал обычным, сухим. Отрывистым. – Тогда я вернусь к себе в кабинет и начну составлять жалобу по Девятому разделу.

Оливия вздохнула с облегчением.

– Да. Это было бы здорово, потому что... Стоп, что?

Карлсен вздернул подбородок.

– Девятый раздел – это федеральный закон, защищающий от сексуальных домогательств в академических учреждениях...

– Я знаю, что такое Девятый раздел.

– Понятно. То есть вы сознательно решили им пренебречь.

– Я... Что? Нет-нет, что вы!

Он пожал плечами.

– Наверное, я ошибся. На меня, должно быть, набросился кто-то другой.

– Набросился... Я на вас не набрасывалась.

– Вы поцеловали меня.

- Но не по-настоящему.
- Без моего предварительного согласия.
- Я спросила, могу ли я вас поцеловать!
- А затем сделали это, не дождавшись моего ответа.
- Что? Вы сказали «да».
- Прошу прощения?

Оливия нахмурилась.

- Я спросила, могу ли поцеловать вас, и вы сказали «да».
- Неверно. Вы спросили, можете ли поцеловать меня, и я фыркнул.
- Я практически уверена, что вы сказали «да».

Он приподнял бровь, и на минуту Оливия позволила себе помечтать об утоплении. Утопить доктора Карлсена. Или утопиться самой... Оба варианта казались заманчивыми.

- Послушайте, я очень извиняюсь. Это была неловкая ситуация. Мы можем просто об этом забыть?

Он внимательно смотрел на нее. На его угловатом лице застыло серьезное выражение, и было что-то еще, что она не могла до конца расшифровать, потому что была слишком занята, снова и снова отмечая про себя, какой он высокий и крупный. Просто огромный. Оливия всегда была хрупкой, почти чересчур худой, но девушки ростом 173 сантиметра редко чувствуют себя миниатюрными. По крайней мере, до тех пор, пока не оказываются рядом с Адамом Карлсеном. Она, конечно, знала, что он высокий: видела его на факультете и на территории кампуса, иногда оказывалась с ним в лифте, - но они никогда не разговаривали. Никогда не находились так близко друг к другу.

Если не считать того момента секунду назад, Оливия. Когда ты почти сунула язык ему...

- Все в порядке? - в его голосе почти прозвучало беспокойство.

- Что? Да-да, все отлично.

- Потому что, - спокойно продолжил он, - поцелуй с незнакомцем в полночь в научной лаборатории может быть признаком того, что это не так.

- Это так.

Карлсен любезно кивнул.

- Очень хорошо. Тогда ждите письма в ближайшие несколько дней. - Он прошел мимо нее, и она повернулась, чтобы крикнуть ему вслед.

- Вы даже не спросили моего имени!

- Уверен, любой бы смог вычислить его, поскольку вы воспользовались пропуском, чтобы попасть в лабораторию в нерабочее время. Доброй ночи.

- Пойдите! - Она протянула руку, схватив его за запястье, чтобы остановить. Он тут же замер, хотя очевидно было, что ему не составит труда освободиться, и пристально уставился туда, где ее пальцы смыкались на его коже: как раз под наручными часами, которые, вероятно стоили половину ее годовой зарплаты. Или всю годовую зарплату.

Она тут же отпустила его руку и отступила назад.

- Прошу прощения, я не хотела...

- Поцелуй. Объяснитесь.

Оливия прикусила нижнюю губу. Она сильно облажалась. Нужно было объяснить ему все прямо сейчас.

– Ань Фам. – Оливия оглянулась: требовалось убедиться, что Ань действительно ушла. – Девушка, которая проходила мимо. Она аспирантка на биофаке.

Карлсен никак не отреагировал: непонятно было, знает ли он ее.

– Ань... – Оливия заправила прядь своих каштановых волос за ухо. На этом моменте история становилась дурацкой. Запутанной и какой-то подростковой. – Я встречалась с парнем с факультета, Джереми Лэнгли, он рыжий и работает с доктором... Неважно, у нас была всего пара свиданий, а потом я привела его на день рождения Ань, и они вроде как понравились друг другу, и...

Оливия закрыла глаза. Что, кажется, было плохой идеей, потому что перед глазами снова встала картина: ее лучшая подруга и парень, с которым у нее свидание, шутят друг с другом в боулинге, как будто знакомы всю жизнь, у них никогда не заканчиваются темы для разговоров, а потом, в конце вечеринки, Джереми следит взглядом за каждым движением Ань. Было до боли очевидно, кто ему на самом деле нравится. Оливия махнула рукой и попыталась улыбнуться.

– Если коротко, после того как мы решили расстаться, Джереми пригласил Ань на свидание. Она отказала из-за всех этих правил женской солидарности и всего такого, но я ручаюсь, что он ей очень нравится. Она боится ранить мои чувства, и, сколько я ни говорю, что все в порядке, она мне не верит.

«Не говоря уже о том, что на днях я подслушала ее разговор с нашим другом Малькольмом. Она считает Джереми потрясающим, но никогда не сможет предать меня и начать с ним встречаться, и она была так подавлена. Она была такая унылая и неуверенная – совсем не похожа на ту отважную, яркую Ань, к которой я привыкла».

– Так что я просто солгала ей и сказала, что уже кое с кем встречаюсь. Потому что она одна из самых близких моих подруг, и я никогда не видела, чтобы ей так нравился парень, и я хочу, чтобы у нее было все то хорошее, чего она заслуживает, и я уверена, что она бы сделала для меня то же, и... – Оливия поняла, что говорит бессвязно, а Карлсену все равно. Она замолкла и сглотнула, хотя во рту у нее пересохло. – Сегодня вечером. Я сказала ей, что иду на свидание сегодня вечером.

– Вот как. – По его лицу ничего нельзя было понять.

– Но у меня нет сегодня свидания. И я решила прийти сюда, поработать над экспериментом, но и Ань внезапно тут появилась. Она не собиралась быть здесь. Но была. Шла сюда. И я запаниковала... вот. – Оливия провела рукой по лицу. – Я не подумала.

Карлсен ничего не сказал, но в глазах его читалось: «Очевидно».

– Мне просто нужно было, чтобы она поверила, будто у меня свидание.

Он кивнул.

– И вы поцеловали первого, кого увидели в коридоре. Совершенно логично.

Оливия поморщилась.

– Когда вы так говорите, кажется, что это не лучшее мое решение.

– Наверное, не лучшее.

– Но и не худшее! Я практически уверена, что Ань нас видела. Теперь она будет считать, что у меня было свидание с вами, и, надеюсь, будет чувствовать себя вправе пойти на свидание с Джереми, и... – Она покачала головой. – Послушайте. Мне правда очень стыдно за этот поцелуй.

– Неужели?

– Пожалуйста, не надо на меня жаловаться. Я правда подумала, что вы сказали «да». Клянусь, я не хотела...

Внезапно на нее обрушилось осознание того, что она только что сделала. Она поцеловала случайного парня, который оказался самым знаменитым из всех неприятных преподавателей биологического факультета. Она приняла фырканье за согласие, она фактически напала на него в коридоре, и теперь он смотрел на нее таким странным, задумчивым взглядом, такой большой, сосредоточенный, он стоял так близко, и...

Вот дерьмо.

Возможно, время было слишком позднее. Возможно, проблема заключалась в том, что кофе в последний раз она пила шестнадцать часов назад. Возможно, виноват был Адам Карлсен, глядящий на нее сверху вниз вот так. Но внезапно все это стало просто невыносимым.

– На самом деле вы абсолютно правы. И мне очень жаль. Если вам это показалось сексуальным домогательством, вам действительно стоит написать рапорт, это будет совершенно справедливо. Это был ужасный поступок, хотя я и правда не хотела этого делать. Не то чтобы мои намерения что-то значили, важнее то, как вы восприняли...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

– Я пойду, хорошо? Спасибо вам и, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, простите. – Оливия развернулась и побежала по коридору.

– Оливия, – услышала она за спиной. – Оливия, подождите...

Она не остановилась, кубарем скатилась по лестнице на первый этаж, выбежала из здания и понеслась по плохо освещенным дорожкам кампуса Стэнфордского университета мимо девушки с собакой и группы смеющихся студентов у библиотеки. Она бежала, пока не оказалась перед дверью своей квартиры, остановившись лишь затем, чтобы отпереть ее, и бросилась прямо в свою комнату, надеясь избежать встречи с соседом и с очередным его гостем, которого он потенциально мог привести домой этим вечером.

Только когда Оливия рухнула на постель, уставившись на светящиеся в темноте звезды, приклеенные к потолку, она поняла, что забыла проверить своих лабораторных мышей. Еще она оставила где-то в лаборатории на скамейке ноутбук и толстовку и вдобавок напрочь забыла заскочить в магазин за кофе, который обещала Малькольму к завтрашнему утру.

Дерьмо. Что за ужасный день.

Оливия так и не осознала, что доктор Адам Карлсен – известный своим сволочизмом – окликнул ее по имени.

Глава 2

Гипотеза: любые слухи о моей личной жизни будут распространяться со скоростью, прямо пропорциональной моему желанию сохранить эти слухи в тайне.

Оливия Смит собиралась начать третий год аспирантуры на одном из лучших биологических факультетов в стране, где было больше ста аспирантов и, как часто казалось, несколько миллионов студентов. Она понятия не имела, сколько там работало преподавателей, но, судя по почтовым ящикам в копировальной комнате, могла с уверенностью сказать: слишком много. Поэтому она решила, что, если ей повезло ни разу не пересечься с Адамом Карлсеном за два года вплоть до Того Дня – с момента поцелуя прошло всего несколько дней, но Оливия уже знала, что до конца жизни будет называть прошедшую пятницу «Тем Днем», – то вполне возможно, что она окончит аспирантуру, больше никогда с ним не столкнувшись. На самом деле она была совершенно уверена, что Адам Карлсен не только понятия не имел, кто она такая, но и не хотел выяснять это... и, вероятно, уже забыл о случившемся.

Если, конечно, она не ошибалась в корне – кто знает, может, он уже подал иск по Девятому разделу. В таком случае Оливия предполагала, что увидит его снова, когда будет признавать свою вину в федеральном суде.

Она решила, что может либо тратить время на переживания по поводу судебных издержек, либо сосредоточиться на более насущных проблемах. Например,

на пятистах препаратах для семинара по нейробиологии, где она будет ассистировать преподавателю, – семинар начнется в осеннем семестре, то есть меньше чем через две недели. Или о записке, которую оставил ей сегодня Малькольм: утром он видел, как под комод метнулся таракан, хотя у них уже вся квартира в ловушках. Или, самое главное, о том, что ее исследовательский проект достиг критической точки и ей отчаянно требовалась лаборатория побольше и побогаче для проведения эксперимента. В противном случае то, что вполне бы могло стать новым словом в медицине, останется горкой чашек Петри в отделении для овощей у нее в холодильнике.

Оливия открыла ноутбук и чуть было не загуглила «органы, без которых можно прожить» и «сколько за них дают», но отвлеклась на двадцать новых писем, которые пришли на почту, пока она занималась своими мышами в лаборатории. Почти все это были рассылки от псевдонаучных журналов, послания от якобы нигерийских принцев, а также спам от косметической компании, на которую она подписалась шесть лет назад, чтобы получить бесплатную губную помаду. Горя желанием вернуться к своим экспериментам, Оливия быстро пометила письма как прочитанные и тут заметила, что одно из них – это все-таки ответ на ее собственный запрос. Вау. Вау.

Она кликнула на него так сильно, что чуть не вывихнула указательный палец.

Сегодня, 15:15

От: Tom-Benton@harvard.edu

Кому: Olive-Smith@stanford.edu

Тема: Ответ: Проект по скринингу рака поджелудочной железы

Оливия, проект, кажется, хороший. Я буду в Стэнфорде примерно через две недели. Обсудим тогда?

С наилучшими, ТБ

Том Бентон, к.б.н.,

доцент кафедры биологических наук Гарвардского университета

Сердце у Оливии на мгновение замерло. Потом пустилось вскачь. Потом замедлилось так, что еле ползло. А потом она почувствовала, как кровь запульсировала в веках, и это было точно не очень нормально, но... Да. Да! Ее берут. Наверное? Точно наверное. Том Бентон сказал «хороший проект». Это ведь хороший знак, да?

Она нахмурилась и прокрутила вниз, чтобы перечитать письмо, которое отправила ему несколько недель назад.

7 июля, 8:19

От: Olive-Smith@stanford.edu

Кому: Tom-Benton@harvard.edu

Тема: Проект по скринингу рака поджелудочной железы

Дорогой доктор Бентон,

Меня зовут Оливия Смит, я аспирантка биологического факультета Стэнфордского университета. Я занимаюсь исследованием рака поджелудочной железы, в частности поиском неинвазивных доступных способов диагностики, которые могли бы способствовать лечению на ранней стадии и увеличить показатели выживаемости.

Я работаю над биомаркерами крови с многообещающими результатами. Прилагаю свою статью с рецензией, в ней Вы можете прочитать о предварительных результатах моей работы. Я также предоставила более

свежие, неопубликованные результаты на конференцию «Общества биологических открытий» этого года, они еще не приняты, но Вы можете просмотреть реферат во вложении. Следующим шагом станет проведение дополнительных исследований для определения возможностей использования моего тестового набора.

К сожалению, нынешняя лаборатория (под руководством доктора Айсегуль Аслан, которая выходит на пенсию через два года) не располагает финансированием и оборудованием, которое позволило бы мне продолжить исследование. Доктор советует мне найти более крупную лабораторию по раковым исследованиям, где я могла бы провести следующий учебный год, чтобы собрать необходимые мне данные. Затем я планирую вернуться в Стэнфорд, чтобы проанализировать и резюмировать полученные результаты. Я большая поклонница опубликованного Вами исследования о раке поджелудочной железы и хотела бы узнать, есть ли у меня возможность продолжить работу в Вашей лаборатории в Гарварде.

Я буду рада обсудить свой проект более детально, если он Вас заинтересует.

С уважением, Оливия

Оливия Смит,

аспирантка факультета биологии Стэнфордского университета

Если Том Бентон, выдающийся исследователь рака, приедет в Стэнфорд и уделит Оливии десять минут, она сможет убедить его, что ей нужна помощь с проектом!

Ну... наверное, сможет.

Оливии гораздо лучше давалось собственно исследование, чем попытки убедить других в его важности. Научное общение и публичные выступления любого рода определенно были ее слабым местом. Но у нее был шанс доказать Бентону, насколько перспективны ее результаты. Она сможет объяснить, какой интерес ее работа представляет для медицины и как мало ей нужно, чтобы обеспечить

своему проекту огромный успех. Все, что ей требуется, – уединенный стол в углу его лаборатории, пара сотен его лабораторных мышей и неограниченный доступ к его электронному микроскопу стоимостью в двадцать миллионов долларов. Бентон даже не заметит ее присутствия.

Оливия направилась в комнату отдыха, мысленно сочиняя пламенную речь о том, что она готова пользоваться его лабораторией только по ночам и ограничить потребление кислорода пятью вдохами в минуту. Она налила себе чашку несвежего кофе и, обернувшись, обнаружила, что кто-то, нахмурившись, стоит прямо у нее за спиной.

Она вздрогнула так сильно, что едва не обожглась.

– Господи! – Оливия прижала руку к груди, сделала глубокий вдох и крепче стиснула кружку со Скуби-Ду. – Ань. Ты до смерти меня напугала.

– Оливия.

Это был плохой знак. Ань никогда не называла ее Оливией – только если делала ей выговор за то, что она грызет ногти или ест витаминки вместо ужина.

– Привет! Как твои...

– В тот вечер.

Блин.

– ...выходные?

– Доктор Карлсен.

Блин, блин, блин.

– А что доктор Карлсен?

– Я видела вас вместе.

– А, правда? – Оливия сама услышала, как наигранно прозвучало ее удивление. Возможно, в старших классах ей стоило записаться в драмкружок, а не заниматься всеми доступными видами спорта.

– Да. Тут, на факультете.

– О. Круто. Хм. Я тебя не заметила, а то бы поздоровалась.

Ань нахмурилась.

– Ол, я видела тебя. Я видела вас с Карлсеном. Ты знаешь, что я тебя видела, и я знаю, что ты знаешь, что я тебя видела, потому что ты избегаешь меня.

– Вовсе нет.

Ань посмотрела на нее своим фирменным грозным взглядом, означающим, что она не потерпит вранья. Видимо, этот взгляд она использовала, когда выполняла свои обязанности президента студсовета, главы Стэнфордской ассоциации женщин в науке, директора по связям с общественностью «Ученых ВІРОС»[1 - ВІРОС – аббревиатура, которая используется в основном в США и объединяет чернокожих, коренных американцев и всех, кто не причисляет себя к белым.]. Не было битвы, из которой Ань не вышла бы победителем. Она была грозной и неукротимой, и Оливии это в ней нравилось... но только не сейчас.

– За последние два дня ты не ответила ни на одно мое сообщение. Обычно мы переписываемся каждый час.

Это была правда. Они переписывались постоянно. Оливия взяла кружку левой рукой, просто чтобы выиграть время.

– Я была... занята?

– Занята? – Ань вскинула бровь. – Занята поцелуями с Карлсеном?

– А. А, это. Это было просто...

Ань кивнула, как будто поощряя ее закончить предложение. Когда стало очевидно, что Оливия этого сделать не может, Ань продолжила за нее:

– Это был – без обид, Ол, но это был самый странный поцелуй, который я видела в жизни.

Спокойствие. Сохраняй спокойствие. Она не должна ничего узнать.

– Сомневаюсь, – слабо возразила Оливия. – Взять, к примеру, хоть тот поцелуй Человека-паука вверх ногами. Это намного страннее, чем...

– Ол, ты сказала, что пойдешь на свидание. Ты ведь не встречаешься с Карлсеном? – Ань скорчила гримасу.

Было бы так легко во всем признаться. С момента поступления в аспирантуру Ань и Оливия делали кучу идиотских вещей вместе и по отдельности, и история, когда Оливия запаниковала и поцеловала самого Адама Карлсена, могла стать одной из них. Они вместе смеялись бы над этим на одной из своих еженедельных посиделок с пивом и зефирками. Или нет. Велик шанс, что, если Оливия сейчас сознается, Ань никогда больше не сможет ей доверять. Или что она никогда не станет встречаться с Джереми. И хотя Оливию тошнило при мысли о том, что ее лучшая подруга встречается с ее бывшим, при мысли о том, что подруга несчастна, ее тошнило еще сильнее.

Ситуация была удручающе проста: Оливия была одна в целом мире. Она была одна уже давно, еще со школы. Она приучила себя не придавать этому большого значения – ведь в мире полно одиноких людей, которым приходится вписывать вымышленные имена и номера телефонов в графу «с кем связаться в экстренной ситуации». Во время учебы в колледже и в магистратуре наука, исследования были ее поддержкой, и она была готова провести остаток жизни, отсиживаясь в лаборатории в компании мензурки и кучки пипеток, пока не появилась... Ань.

В каком-то смысле это была любовь с первого взгляда. Первый день в аспирантуре. Семинар-знакомство для биологов. Оливия вошла в конференц-зал, посмотрела на присутствующих и от страха села на первое попавшееся свободное место. Она была единственной женщиной в зале, практически одна в море белых мужчин, которые уже обсуждали яхты, какой-то матч, который показывали по телевизору накануне, и то, как лучше проехать туда-то и туда-то.

«Я совершила ужасную ошибку, – подумала Оливия. – Парень в уборной ошибся. Мне не следовало сюда поступать. Я никогда не стану тут своей».

А затем на соседний стул плюхнулась девушка с вьющимися волосами и симпатичным круглым лицом и пробормотала: «Классно они поддерживают инклюзивность в технических специальностях, да?» В этот момент все изменилось.

Они могли стать просто союзницами. Будучи единственными женщинами на своем курсе, они могли бы находить друг в друге поддержку, когда требовалось излить яд, а во все остальное время – просто игнорировать друг друга. У Оливии было много таких приятельниц, все они, по сути, были случайными знакомыми, о которых она вспоминала с нежностью, но не слишком часто. Ань, однако, с самого начала была другой. Может быть, потому, что они вскоре полюбили проводить субботние вечера вдвоем, поедая вредную еду и засыпая под ромкомы. А может, дело было в настойчивости, с которой Ань пыталась затащить Оливию в каждую группу поддержки «женщин в науке», и в ее остроумных метких наблюдениях над жизнью. Или причина крылась в том, что она открылась Оливии и рассказала, как сложно ей было попасть на свое нынешнее место. Как старшие братья высмеивали ее и называли ботаничкой за то, что она так сильно любила математику, – в те времена, когда быть ботаником еще не считалось круто. Как в первый день занятий преподаватель по физике спросил ее, не ошиблась ли она аудиторией. И что, несмотря на ее оценки и исследовательский опыт, даже ее научный руководитель, кажется, был настроен скептически, когда она решила продолжить образование на естественно-научном факультете.

Оливия, чей путь в аспирантуру был совсем не простым, но далеко не таким сложным, была поражена. Затем взбесилась. А затем испытала абсолютное благоговение, когда поняла, как Ань смогла претворить неуверенность в себе в свирепую непоколебимость.

И по какой-то невообразимой причине Ань, казалось, так же сильно любила Оливию. Когда Оливии не удавалось растянуть свою стипендию до конца месяца, она всегда могла рассчитывать на «Доширак» Ань. Когда у нее накрылся компьютер, не сохранив данные, Ань сидела с ней вместе всю ночь, помогая переписать работу по кристаллографии. Когда Оливии некуда было поехать на каникулы, Ань привозила подругу домой в Мичиган, где большая семья Фам баловала ее вкусной едой и омывала потоками стремительной вьетнамской

речи. Когда Оливия чувствовала себя слишком глупой для аспирантуры и подумывала бросить, Ань ее отговаривала.

В тот день, когда Оливия впервые встретила скептический взгляд Ань, родилась дружба, изменившая всю ее жизнь. Постепенно они начали включать в свой круг Малькольма и стали чем-то вроде трио, но Ань... Ань была своей. Родной. Оливия даже не думала, что подобное может с ней случиться. Ань редко просила что-то для себя, и, хотя они дружили уже больше двух лет, Оливия никогда не видела, чтобы подругу интересовали романтические отношения... пока не появился Джереми. Ради счастья подруги Оливия была готова и на большие жертвы, что уж говорить о такой мелочи – притвориться, будто она была на свидании с Карлсеном.

Поэтому она встрепенулась, улыбнулась и попыталась сохранить ровный тон, спросив:

– Ты о чем?

– О том, что мы общаемся каждую минуту каждого дня, и ты раньше никогда не упоминала Карлсена. Моя самая близкая подруга якобы встречается с суперзвездным преподавателем с кафедры, и почему-то я об этом никогда не слышала? Ты ведь знаешь его репутацию, да? Это что, какая-то шутка? У тебя опухоль мозга? Или, может, у меня опухоль мозга?

Это случалось всякий раз, когда Оливия лгала. Каждый раз приходилось врать еще больше, чтобы прикрыть первую ложь, а поскольку врал она плохо, каждая новая ложь становилась все хуже и звучала еще менее убедительно, чем предыдущая. У нее бы не получилось обмануть Ань. Она никого не могла обмануть. Ань разозлится, потом разозлится Джереми, потом Малькольм, и Оливия останется в полном одиночестве. Из-за переживаний она перестанет учиться, и ее отчислят. Она потеряет студенческую визу и единственный источник дохода и вернется в Канаду, где все время идет снег и едят лосиные сердца, и...

– Привет.

Мужской голос, глубокий и ровный, раздался откуда-то из-за спины Оливии, но ей не требовалось оборачиваться, чтобы понять, что это Карлсен. Чтобы

понять, что широкое и теплое прикосновение, внезапно вернувшее ей устойчивость, твердое как раз настолько, насколько нужно, давление на пояснице было рукой Карлсена. Примерно в пяти сантиметрах над ее задницей.

Мать божья.

Оливия вывернула шею, чтобы взглянуть вверх. И выше. И выше. И еще немного выше. Она не была коротышкой, просто он был высоченный.

- О. Ага, привет.

- Все в порядке? - Он сказал это тихим, интимным тоном, глядя ей прямо в глаза. Как будто они были одни. Как будто Ань тут не было. По идее, от этого тона Оливии следовало бы почувствовать себя неловко, но этого не случилось. По какой-то необъяснимой причине присутствие Карлсена успокаивало ее, хотя еще секунду назад она была в панике. Возможно, два разных типа беспокойства нейтрализовали друг друга? Звучит как увлекательная тема для исследования. Стоящая того, чтобы в ней разобраться. Может, Оливии нужно отказаться от биологии и переключиться на психологию. Может, ей стоит извиниться и пойти поискать литературу по теме. Может, ей стоит умереть на месте, чтобы избежать этой дерьмовой ситуации, в которую она себя загнала.

- Да. Да. Все великолепно. Мы с Ань просто болтали. Обсуждали выходные.

Карлсен посмотрел на Ань так, словно только что заметил ее присутствие. Он признал ее существование одним из тех коротких кивков, которыми мужики обычно приветствуют друг друга. Его рука скользнула ниже по позвоночнику Оливии как раз в тот момент, когда у Ань расширились глаза.

- Приятно познакомиться, Ань. Я много о вас слышал, - сказал Карлсен, и Оливия вынуждена была признать: он хорош. Потому что она была уверена, что с того места, где стояла Ань, все выглядело так, будто он ее лапал, хотя на самом деле это было... не так. Оливия едва чувствовала его руку.

Может быть, совсем чуть-чуть. Тепло и легкое давление, и...

– Взаимно. – Ань таращилась на них в изумлении. Казалось, она может потерять сознание.

– Эм-м-м, я как раз собиралась идти. Ол, я тебе напишу, когда... да.

Она вышла из комнаты раньше, чем Оливия успела ответить. Что было неплохо, потому что ей не хотелось придумывать новую ложь. Но не так уж хорошо, потому что теперь она осталась наедине с Карлсеном. И он стоял слишком близко. Оливия дорого бы заплатила, чтобы иметь возможность сказать, что первой восстановила дистанцию, но неловкая правда заключалась в том, что первым отступил Карлсен. На комфортное для нее расстояние и даже чуть-чуть дальше.

– Все в порядке? – снова спросил он. И он по-прежнему говорил нежно.

Неожиданно для нее.

– Да. Да, я просто... – Оливия махнула рукой. – Спасибо.

– Не за что.

– Вы слышали, что она сказала? Про пятницу и...

– Да. Поэтому я... – Он посмотрел на нее, а затем – на свою руку, ту самую, которая несколько секунд назад согревала ей спину, и Оливия все поняла.

– Спасибо, – повторила она. Потому что Адам Карлсен, возможно, и был известным засранцем, но прямо сейчас Оливия чувствовала себя чертовски благодарной. – Кроме того, я не могла не заметить, что в прошедшие семьдесят два часа ни один агент ФБР не пришел меня арестовать.

Уголок его рта дернулся. Едва-едва.

– Неужели?

Оливия кивнула.

– Что заставляет меня думать, что вы не подали жалобу. Хотя были бы вполне в своем праве. Так что спасибо. За это. И... за то, что вмешались сейчас. Избавили меня от хлопот.

Карлсен некоторое время пристально смотрел на нее, лицо его вдруг приняло то же выражение, которое появлялось на семинарах, если докладчики путали теорию и гипотезу или признавались, что пользовались методом анализа полных наблюдений вместо метода подстановки.

– Плохо, что вам требуется вмешательство.

Оливия напряглась. Вспомнила. Известный засранец.

– Ну, я ведь не просила вас вмешиваться. Я собиралась уладить все са...

– И вам не стоило лгать о своих отношениях, – продолжал он. – Особенно для того, чтобы ваша подруга и ваш молодой человек могли встречаться, не испытывая чувства вины. Насколько я знаю, дружба устроена по-другому.

А, значит, он все-таки слушал, когда Оливия изливала на него историю всей своей жизни.

– Все не так.

Он приподнял бровь, и Оливия выставила вперед руку, защищаясь.

– Джереми на самом деле не мой парень. И Ань ни о чем меня не просила. Я не какая-то там жертва, я просто хочу, чтобы моя подруга была счастлива.

– Для этого вы ей солгали, – сухо добавил Карлсен.

– Ну да, но... Она думает, что мы встречаемся, я и вы... – выпалила Оливия. Боже, у ее поступка просто невыносимо нелепые последствия.

– Разве не в этом был смысл?

– Да. – Она кивнула, а затем вспомнила о кофе в руке и сделала глоток из кружки. Кофе был еще теплым. Разговор с Ань длился не дольше пяти минут. – Да. Вроде бы в этом. Кстати, меня зовут Оливия Смит. На случай, если вы все еще думаете подать жалобу. Я аспирантка в лаборатории доктора Аслан...

– Я знаю, кто вы.

– А.

Видимо, он выяснил, кто она такая. Оливия попыталась представить, как он просматривает списки аспирантов на сайте кафедры. Администратор программы сфотографировал Оливию на третий день обучения в аспирантуре, задолго до того, как она полностью осознала, во что ввязалась. Она постаралась навести марафет: укротила свои вьющиеся каштановые волосы, нарисовала ресницы, чтобы подчеркнуть зеленые глаза, даже попыталась замаскировать веснушки одолженным у кого-то тональником. Это было до того, как она поняла, насколько безжалостны, беспощадны могут быть академические круги. До ощущения своей несостоятельности, постоянного страха, что, даже если она хорошо покажет себя в исследованиях, ей никогда не стать настоящим ученым. В тот день она улыбалась. Настоящей, искренней улыбкой.

– Ладно.

– Я – Адам Карлсен. Я преподаю в...

Оливия расхохоталась ему в лицо. И тут же пожалела об этом, заметив его удивление – будто он всерьез мог думать, что она его не знает. Будто не подозревал, что он один из самых выдающихся ученых в своей области. Адам Карлсен не был похож на человека, который страдает от скромности. Оливия кашлянула.

– Точно. Хм, я тоже знаю, кто вы, доктор Карлсен.

– Вероятно, вам стоит звать меня Адам.

– О. О нет. – Это было бы слишком... Нет. На факультете так было не принято. Аспиранты не обращались к преподавателям по имени. – Я никогда бы...

– В присутствии Ань.

– А. Да. – Это имело смысл. – Спасибо. Об этом я не подумала. – Она вообще мало о чем подумала. Очевидно, ее мозг перестал работать три дня назад, когда она решила, что поцеловать его, чтобы спасти свою задницу, будет хорошей идеей. – Если вы не против, я пойду домой, потому что все это большой стресс, и...

Я собиралась провести эксперимент, но мне очень нужно сесть на диван и сорок пять минут смотреть «Американского ниндзю», поедая «Доритос» со вкусом соуса ранч, которые оказываются вкуснее, чем кажется, если дать им шанс.

Карлсен кивнул.

– Я провожу вас до машины.

– Я не настолько потеряла голову.

– На случай, если рядом окажется Ань.

– А.

Оливии пришлось признать, что это любезное предложение. Даже удивительно. Учитывая, что исходило оно от Адама «я слишком хорош для этого факультета» Карлсена. Оливия знала, что он придурок, и потому не вполне понимала, почему сегодня он таковым не казался. Может, ей следовало винить свое собственное ужасное поведение, на фоне которого все что угодно казалось лучше.

– Спасибо. Но не стоит.

Она была уверена, что Карлсен не хотел настаивать, но ничего не мог с собой поделать.

– Мне будет спокойнее, если вы позволите мне проводить вас до машины.

- У меня нет машины.

Оливия не потрудилась добавить, что она аспирантка, живущая в Стэнфорде, штате Калифорния, зарабатывает меньше тридцати тысяч долларов в год, отдает за квартиру две трети своей зарплаты, с мая носит одну и ту же пару контактных линз и ходит на все семинары, где предлагают закуски, чтобы сэкономить на обеде. Она понятия не имела, сколько лет Карлсену, но едва ли он очень давно окончил аспирантуру.

- Вы ездите на автобусе?

- На велосипеде. А мой велосипед стоит прямо у входа.

Он открыл рот, закрыл его. Затем снова открыл.

Ты целовала этот рот, Оливия. И это был хороший поцелуй.

- Здесь нет велосипедных дорожек.

Она пожала плечами.

- Люблю рискованную жизнь. - «Дешевую», имела в виду она. - И у меня есть шлем.

Оливия повернулась, чтобы поставить куда-нибудь свою кружку. Ее можно забрать позже. Или не забрать, если кто-нибудь ее стащит. Какая разница? Кружка досталась ей от постдока[2 - Постдок (англ. postdoc) - статус после защиты диссертации и до получения постоянной научно-исследовательской ставки в университете.], который бросил науку, чтобы стать диджеем. Во второй раз за неделю Карлсен спас ее задницу. И снова она не могла оставаться в его обществе ни минутой больше.

- Еще увидимся, ладно?

Грудь его поднялась, он глубоко вздохнул.

- Да. Ладно.

Оливия выскочила из комнаты как можно быстрее.

– Это что, розыгрыш? Я что, на национальном телевидении? Где скрытые камеры? Как я выгляжу?

– Это не розыгрыш. Нет никаких камер. – Оливия поправила на плече лямку рюкзака и шагнула в сторону, чтобы ее не переехал студент на электроскутере. – Но раз уж на то пошло, выглядишь великолепно. Особенно для половины восьмого утра.

Ань не покраснела, но была к этому близка.

– Вчера сделала одну из тех масок для лица, которые вы с Малькольмом подарили мне на день рождения. Ту, которая похожа на панду. И у меня новый крем от солнца, вроде придает коже сияние. И я накрасила ресницы, – поспешно добавила она, задыхаясь.

Оливия могла бы спросить подругу, зачем она приложила столько усилий в обычное утро вторника, но уже знала ответ: лаборатории Джереми и Ань находились на одном этаже, и, хотя биологический факультет был большим, шанс пересечься был весьма велик.

Она скрыла улыбку. Как бы странно ни звучало то, что ее лучшая подруга встречается с ее бывшим, она была рада, что Ань позволяет себе думать о Джереми в романтическом ключе. И главное, было приятно знать, что инцидент с Карлсеном в Тот День достиг своей цели. Это и многообещающее письмо Тома Бентона о ее исследовательском проекте заставляло Оливию думать, что все скоро наладится.

– Окей. – Ань сосредоточенно закусила нижнюю губу. – Это не розыгрыш. А значит, должно быть другое объяснение. Дай я его найду.

– Нет никакого объяснения. Мы просто...

– О боже, ты что, пытаешься получить гражданство? Тебя депортируют обратно в Канаду, потому что мы пользуемся паролем Малькольма от «Нетфликса»? Скажи им, что я не знала, что это федеральное преступление. Нет, погоди, ничего не говори, пока мы не найдем тебе адвоката. И, Ол, я женюсь на тебе. У тебя будет грин-карта, и тебе не придется...

– Ань. – Оливия крепче стиснула руку подруги, чтобы заставить ее на секунду заткнуться. – Я клянусь, никто не собирается меня депортировать. Я просто сходила на свидание с Карлсеном.

Ань сморщилась, потащила Оливию к скамейке у края дорожки и заставила ее сесть. Оливия подчинилась, сказав себе, что, если бы она была на месте Ань и увидела, как та целуется с Адамом Карлсеном, у нее была бы точно такая же реакция. Черт возьми, она наверняка бы уже записывала Ань на полномасштабную психиатрическую экспертизу.

– Послушай, – начала Ань, – ты помнишь прошлую весну, когда мы ходили на банкет по случаю выхода доктора Парка на пенсию и потом я держала тебе волосы, пока тебя рвало килограммом протухшего креветочного коктейля?

– О, да. Помню. – Оливия задумчиво склонила голову. – Ты съела больше меня, и тебе не было плохо.

– Потому что я сделана из теста покруче, но не будем об этом. Суть в том, что я всегда готова помочь и всегда буду рядом, несмотря ни на что. Не важно, сколько килограмм просроченного креветочного коктейля ты выблюешь, можешь на меня рассчитывать. Мы – команда, ты и я. И Малькольм, когда он не трахает по очереди каждого обитателя Стэнфорда. Так что, если Карлсен на самом деле инопланетная форма жизни, планирующая захватить Землю, и скоро человечество будет поработщено злобными цикадами, и единственный способ остановить его – это с ним встречаться, можешь сказать мне, я сообщу в НАСА...

– Ради всего святого, – Оливия не могла не рассмеяться, – это было всего лишь свидание!

Ань смотрела на подругу с болью в глазах.

– Я просто не понимаю.

Конечно, не понимаешь, в этом ведь нет никакого смысла.

– Я знаю, но тут нечего понимать. Ну, просто... Мы сходили на свидание.

– Но... зачем? Ол, ты красивая, умная и веселая, и у тебя всегда такие классные гольфы, зачем тебе встречаться с Адамом Карлсеном?

Оливия почесала нос.

– Потому что он... – Ей было непросто это сказать. О, как же непросто. Но это было необходимо. – Милый.

– Милый? – Брови Ань взмыли так высоко, что едва не слились с линией роста волос.

«Она и правда сегодня ужасно хорошенькая», – с удовольствием подумала Оливия.

– Адам «Мудила» Карлсен?

– Ну да. Он... – Оливия огляделась, как будто ждала помощи от дубов или от студентов, спешащих на летние занятия. Когда ожидания не оправдались, она просто неуверенно закончила: – Он вроде как милый мудила.

Судя по выражению лица Ань, она не очень-то в это поверила.

– Хорошо, значит, после классного Джереми ты опустилась до Адама Карлсена.

Идеально. Оливии нужна была как раз такая фраза.

– Да. И с радостью, потому что Джереми мне никогда особо не нравился. – Наконец какая-то правда в этом разговоре. – Честно говоря, забыть его было не так уж сложно. И потому... Прошу, Ань, избавь этого парня от страданий. Он этого заслуживает, и самое главное – ты этого заслуживаешь. Он наверняка

сегодня в университете. Позови его на фестиваль ужасиков, чтобы мне не пришлось идти с тобой, а потом полгода спать с включенным светом.

На этот раз Ань покраснела не на шутку. Она опустила взгляд на свои руки, поковыряла ногти, потеревила край шорт и потом ответила:

– Я не знаю. Может быть. Ну, если ты и правда думаешь, что...

В кармане у нее зазвонил будильник, и она поднялась со скамейки, чтобы достать телефон.

– Блин. У меня встреча кураторов «Инклюзивности в науке», а потом нужно провести два анализа. – Она встала, застегивая рюкзак. – Пообедаем вместе?

– Не могу. У меня собрание ассистентов преподавателей. – Оливия улыбнулась. – А вот Джереми может быть свободен.

Ань закатила глаза, но уголки ее губ приподнялись. Что очень обрадовало Оливию. Настолько обрадовало, что она даже не отмахнулась, когда Ань обернулась и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

ВІРОС – аббревиатура, которая используется в основном в США и объединяет чернокожих, коренных американцев и всех, кто не причисляет себя к белым.

2

Постдок (англ. postdoc) – статус после защиты диссертации и до получения постоянной научно-исследовательской ставки в университете.

Купить: https://tellnovel.com/heyzelvud_ali/gipoteza-lyubvi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)